

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИОАННИДЫ» КОРИППА*

К.Н. БОЛГОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются особенности ранневизантийской латинской эпической поэмы Крескония Кориппа «Иоаннида». Делается вывод о глубоком влиянии на это произведение античной, особенно римской, эпической традиции. Однако, поэма имеет и свои особенности, будучи завершением латинского эпоса. Она написана на светский сюжет, проводит имперскую идеологию и христианская в той мере, в какой это нужно идеологии Юстиниана.

Ключевые слова: поэзия, Корипп, эпос, идеология, империя, Византия.

Певец византийского завоевания Африки у вандалов – поэт Кресконий Корипп – в эпосе «Иоаннида» воспел имперскую миссию Юстиниана. Но в какой степени удалось Кориппу сочетать роли поэта и апологета, которые он в равной мере заимствовал у своего образца – Вергилия? Ответ на этот вопрос лежит в способе, которым он использует риторические инструменты из эпической традиции, имеющиеся в его распоряжении. Следовательно, нам нужно проверить его текст, насколько он зависим от простого стихотворчества, дабы угодить своим покровителям в поисках пропагандиста, или насколько он был в состоянии выйти за рамки императивов, которые накладывал на него патронаж, и сообщить своему труду присущие поэзии чувствительность и красоту.

Если Корипп начинает с самых древних компонентов поэтического стиля, с использования слов и языковых структур, то он должен быть вознагражден достаточно высоким почетом, сравнительно малым количеством признаков поспешности композиции в своем сочинении. Он не был невежественным в языковой и литературной традициях, в рамках которых работал. «Латинство» Кориппа было успешно исследовано А. Вельцелем в начале XX в.¹, и хотя исследователь смог составить внушительный перечень морфологических и синтаксических отклонений Кориппа от классической нормы, он нашел относительно мало мест, которые нельзя найти у более древних поэтов или в сочинениях прочих поздне-латинских авторов. К примеру, столетиями ранее Вергилий использовал датив для обозначения направления движения вместо аккузатива: «it clator caelo» (Aen. V.451) и «ruit Oceano pox» (Aen. II.250), соединяя *quamquam* и *quamvis* в противительном положении, что смущало даже в классический период². Также графическая форма для выражения косвенной речи в месте инфинитива стала довольно распространенной во время Кориппа³. Эти привычки, наряду с использованием инфинитива или причастия в будущем времени, чтобы выразить намерение, не являются уникальными для нашего автора и, таким образом, не представляют собой оснований для порочащих его навыков осторожности в композиции.

По общему мнению, в тексте Кориппа есть некоторые ошибки в словах, как указывал Э. Аппель⁴: *quisque* вместо *quisquis* (Ioh. II.478), *totus* вместо *omnis* (Ioh. I.553), *quisquis* вместо *quisquam* (Ioh. I.33-34); и есть некоторые нарушения в использовании составных слов и сравнительных и превосходных степеней сравнения прилагательных: *currere* вместо *percurrere* (Ioh. IV.341), *mittere* вместо *committere* (Ioh. I.487-488), *magis certius* (Ioh. VII.539) и *proximior* (Ioh. VII.421; VIII.11). Эти неправильности, однако, сравнительно невелики по количеству, и Аппель часто переусердствует в их выявлении. Действительно, Корипп не старается исказить синтаксис сознательно для риторического эффек-

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2013 г.

¹ Welzel, Alfred. De Claudiani et Corippi Sermonis Epico. Breslau, 1908.

² См.: Leumann-Hoffmann-Szantyr. Lateinischer Grammatik. Munich, 1965. Т. II. S. 325, 602.

³ Ibid. S. 312, 577.

⁴ Appel F. Beiträge zur Erklärung des Corippus mit besonderer Berücksichtigung des vulgaren Elements seiner Sprache. Munich, 1904.

та – практики, которая едва ли имеет основания для обвинения в чрезмерной механичности или быстроте стихосложения.

Более тонкий показатель поэтических умений Кориппа может быть найден в его контроле и использовании звука и метрических шаблонов. Здесь, исследуя использование поэтом дактилического гекзаметра, мы получаем смешанные результаты⁵. К примеру, нет ничего выдающегося или достойного порицания в его подходах к различным формам силлабической трансформации, имеющейся в латинской поэзии – хиатус, афересис, элизия; и нахождение таких феноменов как синезесис, диэресис, стяжение и синкопа в большинстве своем таково же, как и в его классических образцах. Мы не можем найти ошибок в формах его гекзаметра, где весьма редко обнаруживаются технические изъяны.

Сравнение его метрики с древними поэтами, такими как Энний, Лукреций и Вергилий показывает, что Корипп мало чем разительно отличается от них или принципиально нов. Он на самом деле испытывает отвращение от самостоятельных спондеических первых стоп, и его главная цезура, преимущественно мужская, нередко откладывается до четвертой стопы, так что буколический диаэресис (раздельная постанровка ударения) происходит реже, чем у Лукреция или Вергилия. В последних двух стопах своего гекзаметра он всегда находит совпадение метров и акцентов. Поэт никогда не экспериментирует со спецэффектами в конце строки, вставляя пяти-, четырех- или односложные слова.

Как показывает этот краткий обзор подходов Кориппа к гекзаметру, это не технические умения, которых не хватает нашему поэту. Он, однако, не обнаруживает умений создания образов и оригинальности, как покажет рассмотрение его мастерства в той или иной метрической схеме. Хотя менее 3% его стихов не имеют спондеических замен и, следовательно, разнообразия, Корипп нередко повторяет некоторые метрические шаблоны в двух, трех или даже четырех последовательных строках. К примеру, есть 4 строки, в которых спондеи монотонно повторяются в трех и четырех стопах (Ioh. VII.263-266).

Более избличающие улики, однако, находятся в его кажущейся беззаботности с отношениями между скоростью метров и содержанием рассказа. Например, быстрые дактилические строки используются для описания того, как спящие воины сражаются в своих снах (Ioh. II.459); умирают от горя люди (Ioh. IV.205); густая и запутанная роща (Ioh. VI.571-572). С другой стороны, тяжелые спондеические строки используются для описаний: полководца, охваченного радостью (Ioh. V.190), дыма и пепла, поднимающихся вверх (Ioh. VIII.73-74).

Это очевидное отсутствие чувства меры особенно печально и в других случаях, к примеру, в обращении с фигурами звука, такими как ассонанс, аллитерация и омонотопия, Корипп часто гораздо более мудрен. Рассмотрим, например, ассонанс в Ioh. VI.755 и прекрасное описание воина, упивающегося водой из родника (Ioh. VII.345). С другой стороны, однако, мы можем также найти много беспричинных и довольно трудных звуковых эффектов. Есть перегруженность избыточными аллитерациями (Ioh. I.131; II.362; IV.170 и др.). Подобным же образом используются такие фигуры как анафора, антитезис, хиазм и полиптотон, часто выглядящие манерными и принужденными.

Действительно, выигрышные стороны фигуративности языка Кориппа – не фигуры звука, но фигуры, представляющие сходство и повышенное чувство, страдающие от этого недостатка. Он включает в свою поэтическую стратегию такие элементы как восклицания (Ioh. I.44-46; II.111-112), риторические вопросы (Ioh. I.44-46) и гиперболы (Ioh. V.48-49), но они, как правило, не оригинальны и удручающе предсказуемы. Еще необходимо упомянуть об использовании им персонификаций (Ioh. I.41; V.48-49; VI.58-59) или синекдох, примеры которых (Ioh. II.229-230; V.366) такие устаревшие, что они едва ли вообще могут быть квалифицированы как примеры фигуративности языка.

Именно с использованием сравнений картина несколько улучшается. Не менее 56 примеров длинных или гомеровских сравнений можно найти в этой поэме. Они могут быть разделены на 4 четкие категории: связанные с неодушевленными предметами, с животными, с человеческими занятиями, и обращения к мифологии. Успех употребления этих фигур неравномерен, но Корипп добивается поразительных поэтических эф-

⁵ Более детальные дискуссии о метрических особенностях Кориппа см. в диссертации Дж. Шиа: Shea G. *The Iohannis of Flavius Cresconius Corippus, Prolegomena and Translation*. Columbia. P. 92-100.

фффектов в некоторых случаях. Среди сравнений из области природы, когда используются такие слова, как *звезды*, *бури* и *огонь*, особенно замечательно одно описание шторма (Ioh. VII. 445-451). Сравнение богато деталями и, хотя оно уходит довольно далеко от оригинального образа перемешивающихся масс песка, поэт изящно возвращается к картинам из предыдущих строк.

Сравнения, в которых фигурируют животные, встречаются более часто. Это пять описаний львов (Ioh. IV.145; V.232; V.443; VI.645; VI.745), три – пчел (Ioh. I.430; IV.297; VII.336), остальные – волк (Ioh. IV.353), моллюски (Ioh. II.196), тигрица (Ioh. VI.713), бык (Ioh. IV.569), ворона (Ioh. VI.94) и аист (Ioh. VIII.9). Обширно и богато сравнение тигрицы с повозкой.

Сравнение, которое описывает воина, дающего свой последний бой, окруженного павшими товарищами, особенно характерно для него, так как передает чувство потери и упрямую жестокость. Кроме того, в кратком экскурсе о манерах и привычках охотников поэт показывает капризы трусливых противников воина.

Сравнения, показывающие человеческие занятия, в равной степени разнообразны. Они изображают крестьян (Ioh. II.299), музыкантов (Ioh. IV.576), лесников (Ioh. V.473) и жнецов (Ioh. VIII.536). Поэт также дает нам замечательно сложную картину действующего заполненного канала на ватерлинии. Он использует в своем описании муравья, бегущего по телу разъяренной туземной жрицы (Ioh. III.145-151).

Это сравнение удалось именно благодаря своей сложности, которая уводит читателя далеко от первоначального сравнения. Его удача состоит в изобретательном использовании звуковых эффектов – повторении слога «ob» в начале трех следующих друг за другом строк, которые усиливают образ преграды, журчащего звука «u» и четкого рефрена «atpis» в конце строк как потока, который возвращается к своему истоку.

Возможно, мифологические образы Кориппа основаны на сравнениях, которые наименее удачны. Мы находим ожидаемые божества, среди которых: Юпитер (Ioh. I.451; V.395; VI.658), Геркулес (Ioh. III.158; VI.210), Фазтон, который появляется в Корипповом описании опустошения Африки племенами (Ioh. I.336-340).

Этот образ не оригинален, но сравнение, тем не менее, эффективно, когда Корипп создает тонкий резонанс между актом спасения Юпитером и действиями Юстиниана и Иоанна, который усиливается в конце картины полиптотом «ignibus ignem» (огнями огонь), который обозначает меру использованных римлянами усилий для подавления силы.

Отсюда закономерно, что вопросы подражания, оригинальности и усвоения насыщены при рассмотрении стиля Кориппа, потому что он был, возможно, последним античным эпическим поэтом, соединившим в своих строках весь пласт, уходящий корнями к Гомеру. Неизбежно, что его стиль должен был в своей основной части следовать богатой традиции, которую он унаследовал, и что он должен в значительной степени зависеть от формального стилистического инструментария, структур и тем, которые его предшественники развивали на протяжении столетий.

Не следует, однако, рассуждать о степени успеха Кориппа как поэта на основе только его оригинальности. Идя по этому пути, необходимо критически разобрать, к примеру, работу Рудольфа Аммана⁶, который составил перечень того, что он назвал подражаниями Кориппа. Фактически, хотя Амман установил много точных подражаний, он уносится своим рвением достаточно далеко от сути, и в результате приходит к выводу, что использование простых фраз типа «flamine ventus» является преднамеренным заимствованием. Этот род одержимости литературными образцами не только дает ему подражание там, где его нет, но и затрудняет уяснение того, что употребление главных канонических слов делает такой путь общей речью. Более того, в случае Кориппа, который был учителем риторики и литературы, необходимо иметь в виду, что он держал в своей голове множество тем, фраз и стилистических приемов, применявшихся в более ранней эпической поэзии, многие из которых он использовал бессознательно.

Использовать работы типа книги Аммана в принципе можно, но настоящая природа интертекстуальности в античности лежит в сердце вопроса о подражаниях у такого ав-

⁶ Amman R. De Corippo Priorum Poetarum Latinorum Imitatore. Oldenburg, 1885; ibid. De Corippo Priorum Poetarum Latinorum Imitatore. Patricula Altera // Program des Grossherzoglichen Gymnasium zu Oldenburg. № 629. 1888.

тора как Корипп. Как эпический поэт VI столетия, Корипп унаследовал структуру и стиль, а также многие тематические и фигуративные компоненты в своей поэме. Его вызов, как мы указывали выше, заключался в их адаптации к новому нарративу и, в его случае, к тонкостям новой религиозной, политической и этнической ситуации.

Рассмотрев некоторые аспекты поэтического стиля Кориппа, какое заключение мы сможем сделать о его успешности? С одной стороны, его технические достижения впечатляют. Он сочиняет такие пассажи, что становится манерным, вымученным, иногда банальным даже по античным меркам, но в других он весьма удачлив и производит полностью новые литературные эффекты, творя свою собственную традицию и приспособлявая ее к потребностям своих имперских и христианских покровителей.

И все-таки заключительный вывод таков: апологетическая миссия выглядит препятствием к его становлению как поэта первого ранга. Иначе говоря, его очевидная определенность, его самоуверенность, его тотальная вера в богословскую и политическую систему есть причина того, что он остался на этой стороне, по-видимому, удержавшись от обзора «человеческих глубин», так сказать, «вглядываясь в пропасть», как должен делать каждый великий поэт⁷. Немногие поэты были способны долго фиксировать свой взор на этой пропасти. Этим страдал даже величайший образец для Кориппа – Вергилий, который лишь изредка был способен сделать это, в то же время создав гимн обновленному мировому порядку.

POETRY FEATURES OF CORIPPUS' «IOHANNIS»

K.N. BOLGOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

The article discusses the features of early Byzantine Latin epic poem by Creskonius Corippus «Iohannis». The conclusion of the profound impact of this work antiquity, especially Roman epic tradition. However, the poem has its own characteristics, being the completion of the Latin epic. It is written in a secular story, holds the imperial ideology and Christian to the extent to which this is necessary Justinian's imperial ideology.

Keywords: poetry, Corippus, epic, ideology, empire, Byzantium.

⁷ С учетом внимания к беспрекословной поддержке им имперского дела, ее стратегии и тактики, может быть уточнен вопрос об отношении Кориппа к характеру своего героя – Иоанна Троглиты, который, хотя и дан во всей надлежащей славе, в большинстве формулярных списков его качеств и достоинств, иногда изображается в отдельных пассажах как малопривлекательный и малоспособный. Его, казалось бы, чрезмерная эмоциональность и бесконечный плач, вероятно, не является, как указывает Эврил Камерон, типичной эмоциональностью Кориппа (In Laud. Iust., 136). Он, однако, проявляется как несколько нерепитительный время от времени, особенно когда изображаются его тактические планы. Он в значительной степени зависит от мнения его заместителя Рицинария (Ioh. II.233 сл.) и дважды уговаривается своими товарищами отказаться от разумного плана битвы (Ioh. VI.465; VI.528). Иоанн также изображается как невнимательный к нуждам своих людей (Ioh. VI.326; VI.367), как высокомерный по отношению к вражеским посланцам (Ioh. I.494) и как довольно жестокий и кровожадный (Ioh. V.404; V.464). Хотя эти недостатки специально не подчеркнуты, они явно контрастируют с качествами Рицинария, который изображается как разумный, человеколюбивый и т.п. (Ioh. IV.586-588). Что же из этого следует? Такая прямота показывает нам, что Корипп был в действительности разочарован в римском деле или что он применял литературную технику двойного обмана. На это может указывать то, что Корипп, родом африканец, становится совершенно слеп к непривлекательным сторонам имперского господства, к тем фактам, что полководцы сил Юстиниана могут быть суровы и жестоки, как и соплеменники поэта – берберские воины. Обращение к характеру Рицинария кажется частью попытки Кориппа описать близкую дружбу командующего и его заместителя, и особенно манеру, в которой их характеры дополняют друг друга.